

УДК 32.019.5

Прагматизм и конспирология: представления чиновников юга Дальнего Востока России о китайских инвесторах*

С. А. Иванов

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток*

Аннотация. Цель статьи – изучить, насколько представления чиновников юга Дальнего Востока России о китайских инвестициях подвержены влиянию государственной идеологии. Эмпирическую базу исследования составляют результаты опросов общественного мнения в России и полуструктурированные интервью с представителями власти юга Дальнего Востока. Сделан вывод, что прагматичный взгляд на китайского инвестора доминирует в репрезентациях чиновников. В них отсутствует ожидание массового прихода китайских инвестиций. Был также выделен редуцированный подход, основывающийся на отождествлении китайского инвестора с китайским государством и наделении китайцев качеством стратегического мышления.

Ключевые слова: общественное мнение, Китай, инвестиции, идеология, Дальний Восток России.

В условиях нестабильности мировой экономики в последнее десятилетие многие государства обратили взоры на Китай как на источник инвестиций. Россия – не исключение. Кредиты китайских банков уже стали неотъемлемой частью финансового портфеля крупных российских нефтегазовых корпораций. Российское правительство рассматривает китайский капитал как важную составляющую модернизации российской экономики и прежде всего развития Дальнего Востока РФ. В начале января 2017 г. глава Минвостокразвития А. Галушка заявил о передаче властям КНР предложения создать Дальневосточный центр поддержки инвесторов и предпринимателей из Китая [9].

Вся ли вертикаль власти¹ на Дальнем Востоке России склонна разделять благожелательность федеральной власти и, в частности, главы профильного

* Разделы статьи «Макроуровень представлений о Китае как партнере/недрузе» и «Идеология и установки экономической политики» подготовлены при поддержке гранта РГНФ (проект № 16-31-01043).

¹ В России формально органы местного самоуправления не являются частью государственной власти и должны обладать автономией, представляя интересы местных жителей, однако с начала 2000-х гг. в результате политической централизации руководство поселений, районов и городов фактически оказалось встроенным в «вертикаль власти». В настоящей работе мы будем рассматривать органы местного самоуправления как продолжение государственной власти. См.: [3].

министерства в отношении китайских инвестиций? Этот вопрос является главным для нашей статьи, а представления чиновников о китайской хозяйственной деятельности на юге Дальнего Востока станут предметом нашего исследования.

Вышеуказанная проблема не поднималась в российской научной литературе. В интернет-пространстве можно найти значительное количество толкований стремления государства привлекать китайские инвестиции, основанных на конспирологии, например предположении о тайных сделках российского руководства с китайским по продаже российских активов или части территории².

Мы посмотрим на представления российских чиновников под другим углом, не прибегая к конспирологии и предполагая изначально, что стандартный российский чиновник, даже живущий в приграничных с Китаем регионах, – это не глубокий специалист-международник или тем более не китаист. В статье мы попытаемся посмотреть, насколько представления на макроуровне (на уровне общественного мнения) соотносятся с представлениями конкретных чиновников, ответственных за привлечение инвестиций и взаимодействующих с китайцами.

Исследование основано на двух основных источниках: данных социологических опросов, проводимых в России и на юге Дальнего Востока, и интервью с чиновниками приграничных с Китаем регионов Дальнего Востока России (РДВ).

Макроуровень представлений о Китае как партнере/недруге. Российское общество не имеет четкого образа Китая, основанного на богатых знаниях. Анкетирование по вопросам истории и культуры Китая, проводимое ИИАЭ ДВО РАН в 2003 и 2008 гг. в приграничных регионах России, показало «смутные представления жителей регионов о своем великом соседе» [6, с. 134–135]. Забегая вперед, скажем, что четкого и полного образа Китая, как правило, нет и у чиновников юга РДВ. Мы можем говорить лишь об оценке Китая как иного, враждебного или, наоборот, дружественного в отношении России. Этот срез регулярно исследовался ведущими социологическими службами России – Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фондом общественного мнения и Левада-центром. В целом, несмотря на определенные различия в задаваемых вопросах, результаты опросов вышеуказанных организаций схожи, поэтому мы остановимся на данных ВЦИОМ как крупнейшей социологической службы России, предоставляющей наиболее полную базу данных опросов в открытом доступе. С 2007 г. эта служба стала выделять чиновников в отдельную категорию респондентов.

Опросы ВЦИОМ показывают, что в России в 2007, 2009 и 2014 гг. отношение чиновников к Китаю было стабильно положительным: 63–77 % представителей государственной бюрократии указывали Китай в качестве стратегического/экономического партнера или дружественного государства и лишь 13–24 % – в качестве политического/экономического конкурента или враж-

---

² Чтобы убедиться в этом, достаточно ввести в запрос любой популярной поисковой системы слова «Китай», «Дальний Восток» и «продать».

дебного государства [1]. При этом доля чиновников, рассматривающих Китай в XXI в. как союзника или партнера России, составила 72 %, а процент пессимистов, видящих в Китае «опасного соседа/конкурента» или «врага», снизился с 24 % в 2007 г. до 21 % в конце 2014 г. В основном представления чиновников о Китае как партнере/враге России были схожи со взглядами россиян в целом. Отличия заключались лишь в динамике изменения взглядов. У чиновников она была менее радикальной: если в 2007 г. доли россиян, положительно и отрицательно оценивающих отношения России с Китаем, составляли соответственно 63 % и 25 %, то в конце 2014 г. – 85 % и 9 % [1].

По РДВ отсутствуют количественные оценки взглядов чиновников на Китай и китайский капитал. Если учесть, что по России взгляды чиновников не сильно отличались от мнения всего общества, то вполне допустимо изучить взгляды дальневосточников в целом без разбивки по роду деятельности. Анализ показывает, что их взгляды схожи с общероссийскими. Еще в середине 2000-х гг. Л. Е. Бляхер утверждал, что миф о «китайской угрозе» разделяло большинство жителей РДВ [2]. Последние социологические опросы показывают, что былые представления разделяет меньшинство. В 2016 г., по данным опросов ИИАЭ ДВО РАН, 77 % жителей крупнейших дальневосточных городов считали, что перспективы отношений с Китаем хорошие, и еще около 14 % назвали их «удовлетворительными». Почти три четверти дальневосточников отметили, что КНР является приоритетным направлением развития внешних связей их региона [5, с. 10–11]. Соответственно снизилась и доля тех, кто видел в росте экономической и военной мощи Китая угрозу для РДВ: с 55 % в 2010 г. до 22 % в 2016 г. При этом с 2013 по 2016 г. доверие дальневосточников к Китаю возросло и, наоборот, снизилось к другим ключевым партнерам в АТР, в результате чего Поднебесная заняла первую позицию в списке стран, которым можно было доверять [10].

Опросы общественного мнения показывают, что отношение к Китаю российских чиновников становится более благожелательным, хотя одновременно возрастает доля представителей государственной бюрократии, видящих в Китае политического или экономического конкурента. Мы можем привести две причины таких тенденций. Во-первых, в России произошли серьезные изменения в медиадискурсе, который во многом определяет представления населения. В последнее десятилетие, особенно после украинского кризиса, российские (в основном государственные) СМИ усилили антизападную риторику [11] и одновременно прокитайский информационный поток. Но медиадискурс – не единственная причина позитивных представлений чиновников о перспективах китайского инвестирования в России. Вторая – установки российской экономической политики, требующие наращивать несырьевой экспорт, заниматься импортозамещением и привлекать иностранные инвестиции.

Идеология и установки экономической политики. В последнее десятилетие федеральное правительство пытается переложить на регионы ответственность за экономическое развитие страны, не перераспределяя на местах финансовые и административные ресурсы [7, с. 134–135]. С одной стороны, местной бюрократии запрещают вмешиваться в дела бизнеса. Например, на

невозможность устраивать проверки китайского бизнеса нам указывали большинство чиновников, с которыми мы проводили интервью. С другой стороны, бюрократию мобилизуют усиленно заниматься экономикой, включая внешнеэкономическую сферу. В частности, федеральное правительство сформировало систему показателей эффективности работы органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и их руководителей. Например, оценка работы региональных администраций зависит от объема инвестиций в основной капитал региона, объема налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета субъекта РФ, оборота продукции, производимой малыми предприятиями. Схожая система создана и для анализа эффективности работы высшего руководства субъектов Федерации по созданию благоприятных условий для бизнеса [10]. Во всех регионах массово создают агентства по привлечению инвестиций и развитию экспорта [8].

Одновременно чиновники при проведении такой политики должны учитывать общее состояние мирового рынка товаров и капитала. В связи с этим их система представлений достаточно противоречива. С одной стороны, экономическая политика государства заставляет их смотреть на Китай через призму сотрудничества и, в частности, как на источник привлечения капитала. С другой стороны, экономические реалии побуждают рассматривать КНР в качестве конкурента за инвестиционные потоки из других стран. Текущие программы развития регионов Дальнего Востока и Забайкалья хорошо отражают эти противоречивые представления [4, с. 32–36].

Представления чиновников. Если и государственный медиадискурс, и установки экономической политики четко ориентируют российских чиновников на активное сотрудничество с Китаем и привлечение китайского капитала, то, наверняка, мы должны это увидеть в репрезентациях конкретного чиновника. Наше эмпирическое исследование в форме полуструктурированных интервью проводилось в приграничных с Китаем регионах (Приморский край, Еврейская автономная и Амурская области) с мая 2014 г., как раз после разразившегося украинского кризиса, который вызвал поток положительной информации о Китае и перспективах российско-китайского экономического сотрудничества. Исследование затронуло вопросы китайского экономического присутствия на юге РДВ и включило 27 интервью с чиновниками (от руководства поселковых администраций до представителей региональных правительств; в статью мы не стали включать интервью с представителями бизнеса и СМИ), в которых, в том числе, отражен комплекс мнений о российско-китайском инвестиционном сотрудничестве.

Как показало наше исследование, едва ли можно утверждать, что Китай и, в частности, китайский инвестор стал видеться в качестве панацеи от всех дальневосточных проблем, и крайне позитивный настрой государственных СМИ не передается чиновникам. Преобладают нейтральные представления, базирующиеся на простом прагматизме: *«Сказать, что они (предприятия с китайским капиталом. – Прим. авт.) эксплуатируют наши недра, ну Бог его знает, лес этот сейчас не кругляком идет в Суйфэньхэ, как это раньше было. Он сюда пришел, получил глубокую обработку и ушел в ту же Америку, чего*

уж лучше? Они здесь заработали, налог на прибыль они заплатили, НДС/Л заплатили, налоги они платят, как местные все производства. В чем проблема? Вот я не вижу проблемы» (интервью № 10, руководство районной администрации Приморского края, июль 2014 г.). Такие представления обычно обусловлены двумя факторами. Во-первых, в условиях, когда руководители региональной и муниципальной власти должны вслед за требованиями экономической политики искать на своей территории «точки роста», любой инвестор теряет национальный окрас и рассматривается просто как объект фискальной политики. Соответственно в большинстве случаев, когда речь напрямую заходила о сотрудничестве с КНР, районные и федеральные чиновники отмечали, что готовы привлекать инвесторов и налаживать другие формы экономической кооперации. Во-вторых, как показали наши наблюдения, важную роль в таких представлениях играет длительность личного взаимодействия с китайскими инвесторами или рабочей силой.

Мы не нашли большого количества устойчивых представлений о китайском экономическом присутствии, которые разделяли хотя бы несколько чиновников. Например, главы двух соседних и одновременно граничащих с Китаем районов могли совершенно по-разному оценивать влияние политического диалога на связи муниципалитета с китайскими партнерами. Один считал, что заявления Путина о повороте на Восток и курс на сближение с КНР никак не отражаются на экономике района (интервью № 10, руководство районной администрации, Приморский край, июль 2014 г.), другой, наоборот, видел рост активности китайских инвесторов (интервью № 11, руководство районной администрации, Приморский край, июль 2014 г.), хотя на обеих территориях на долгосрочной основе работали китайские инвесторы и регулярно проводились встречи с китайскими партнерами.

Однако не только прагматизм «популярен» среди чиновников. Вторая большая группа представлений, которая свойственна также чиновникам в разных государственных структурах, основана на отождествлении китайских бизнесменов или предприятий с китайским капиталом (далее – ПМК) с неделимым «Китаем». Разница в прагматичном и редуцированном подходе состоит в качестве объяснительных моделей, которыми пользуются чиновники для понимания деятельности китайского инвестора. Прагматичный подход четко отделяет знание от незнания, поэтому респондент, смотрящий через эту линзу, часто признает, что он что-то не знает о деятельности ПМК. Упрощенное видение, наоборот, позволяет преодолеть конкретное незнание об объекте и, соответственно, объяснить неизвестное.

На чем строится это отождествление? Во-первых, она базируется на убеждении, что ПМК полностью или в значительной степени контролируются китайской властью, поэтому деятельность конкретного китайца или предприятия можно отождествлять с деятельностью государства или партии. *«У них же направляющая, руководящая – коммунистическая партия Китая и согласование все равно идет, допустим, те же кредиты, все равно идут через согласование, систему... Плюс у них же есть закон... больше 200 миллионов – безработные в Китае, и у них есть закон о поддержке, помощи безработ-*

ным, т. е. если они едут работать за границу, то они выделяют компании определенные деньги в этом направлении. Это тоже у них есть... Они зачастую и направляют каких-то предпринимателей на определенную деятельность» (интервью № 11, руководство районной администрации, Приморский край, июль 2014 г.). Один из чиновников районной администрации Приморского края так объяснял быстрое развитие крупной ПМК: «Вот если компания NN (название компании намеренно закодировано. – Прим. авт.) к нам зашла, она такими темпами начала работать – т. е. **им была поставлена задача** (выделено автором), и они увеличивали-увеличивали каждый год и площади посевов, и объем выпускаемой продукции, **им деньги вливали**» (интервью № 26, руководство районной администрации, Приморский край, сентябрь 2014 г.). Обращение к внешним силам, о влиянии которых мало что известно доподлинно, лежит в основе таких упрощений.

Вторая редукция основана на апелляции к мудрости и стратегаемости мышления китайцев. В данном случае упрощение действительности позволяет объяснить любые действия китайского инвестора или ПМК тем, что они действуют в совершенно другой системе целеполагания, основанной на длительных (десятилетних или столетних) временных рядах. При этом стратегаемостью китайцев могут доказываться совершенно противоположные тезисы. Например, ею можно объяснить активную долгосрочную деятельность ПМК в регионе. «Ребята, пока мы ждем инвестиций, а иностранный капитал потихонечку скупает у нас здесь на территории города NN землю, эти, ну, разные здания, сооружения и т. д.... Сегодня проникновение китайцев, оно идет планомерно, и не надо говорить о том, что это вот такая спонтанная... Вот приехал китаец... Если китаец здесь что-то делает, то государство ему за это деньги дает... Он здесь договорился, что сделает так и так, поехал туда, рассказал, ему деньги дало государство, он приехал сюда и все» (интервью № 2, представитель органа региональной власти, Амурская область, май 2014 г.). «Мы просчитывали их (ПМК. – Прим. авт.) деятельность. Она нерентабельна... И по сельскому хозяйству у меня присутствует мысль, что это какой-то вклад на будущее, скажем так, инвестиция в будущее, по части резервирования за собой каких-то мест и территорий в России...» (интервью № 30, представитель территориального управления федерального органа власти, Приморский край, февраль 2015 г.). Но одновременно стратегаемостью мышления, умением просчитать на долгосрочную перспективу может оправдываться и низкая активность китайских инвесторов: «Китайцы, кстати, серьезные люди, смотрят очень далеко, просто далеко. Поэтому у меня большие сомнения, что китайцы намерены обосноваться здесь по-серьезному... На работу приехал, потом уехал. Ненадолго, собрал что-то и свалил отсюда. Примерно так и получается» (интервью № 31, руководство муниципалитета, Приморский край, февраль 2015 г.).

Как можно увидеть в вышеуказанных интервью, редукцию может сопровождать алармизм, который был крайне популярен в 1990-е гг. на РДВ. Тем не менее стоит отметить, что в настоящее время антикитайская риторика редко встречается в чиновничьей среде региона. Хотя, безусловно, отождествление

китайского инвестора с китайским государством и наделение китайцев качеством мыслить на десятилетия (столетия) вперед формируют конспирологические объяснительные модели экономической активности китайцев на РДВ, что рождает подозрительность и недоверие.

Заключение. Начиная с середины 1990-х гг., и особенно после украинского кризиса, опросы общественного мнения в России показывают устойчивый рост положительных взглядов на Китай как в целом среди россиян, так и среди дальневосточников в частности. Эта тенденция стала результатом информационной кампании, проводимой в основном государственными или близкими к власти СМИ. На чиновников также оказывает влияние либеральная экономическая политика, требующая активной работы с инвесторами. При этом Китай позиционируется российским правительством в качестве одного из основных источников финансирования дальневосточного развития.

Наше исследование показывает, что установки, продвигаемые государственными СМИ и лежащие в основе либеральной экономической политики, имеют ограниченное влияние на представления конкретных чиновников о китайских инвесторах. Доминирующий взгляд на ПКК – прагматический, не учитывающий национальных приоритетов при рассмотрении хозяйствующих субъектов. Такой подход предполагает, что предприятие с китайским капиталом – это не более чем объект фискальной политики. Существует и альтернативная группа представлений о китайском инвесторе, которая очень близка к алармизму, но, как показывает наше исследование, в большинстве случаев не пересекается с ним. Она базируется на отождествлении китайского инвестора с китайским государством и наделении китайцев качеством мыслить стратегически на длительную перспективу.

Список литературы

1. База результатов опросов россиян «Архивариус» [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – URL: https://wciom.ru/database/baza_rezultatov_oprosa_s_1992_goda (дата обращения: 11.02.2017).
2. Бляхер Л. Е. Политические мифы Дальнего Востока / Л. Е. Бляхер // Полит. исслед. – 2004. – № 5. – С. 28–39.
3. Гельман В. Я. Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России / В. Я. Гельман, С. И. Рыженков // Полит. экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2010. – Т. 6, № 4. – С. 130–151.
4. Иванов С. А. Без полномочий, ресурсов и целей: роль региональных властей Дальнего Востока в продвижении экономического сотрудничества с Китаем / С. А. Иванов // Россия и АТР. – 2016. – № 2. – С. 27–45.
5. Ларин В. Л. Восточная Азия в общественном мнении Тихоокеанской России (по итогам опроса 2013 г.) / В. Л. Ларин, Л. Л. Ларина // Россия и АТР. – 2014. – № 2. – С. 5–19.
6. Ларин В. Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX—XXI веков / В. Л. Ларин, Л. Л. Ларина. – Владивосток : Дальнаука, 2011. – 312 с.
7. Минакир П. А. Региональные стратегии и имперские амбиции / П. А. Минакир // Пространственная экономика. – 2015. – № 4. – С. 7–11.

8. Полтерович В. М. Региональные институты модернизации / В. М. Полтерович // Экон. наука современной России. – 2011. – № 11. – С. 17–29.

9. Субботина С. В портфеле Агентства Дальнего Востока проекты на 1 трлн рублей [Электронный ресурс] / С. Субботина // Известия. – 09.01.2017. – URL: <http://izvestia.ru/news/655335#ixzz4WGWfyKx0> (дата обращения: 20.01.2017).

10. Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / под ред. В. Л. Ларина. – Владивосток : Дальнаука, 2017 (в печати).

11. Hutchings S. Dominant Narratives in Russian Political and Media Discourse during the Ukraine Crisis / S. Hutchings, J. Szostek // Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives / eds. A. Pikulicka-Wilczewska & R. Sakwa. – Bristol : E-International Relations Publishing, 2015. – P. 173–194.

Pragmatism and Conspiracy Theories: the Russian Far East Officials' Idea of Chinese Investors

S. A. Ivanov

*Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples
of the Far East FE RAS, Vladivostok*

Abstract. The aim of the article is to study how opinion of the officials of the Russian Far East about Chinese investments is influenced by state ideology. The empirical base of the research includes the results of public-opinion surveys in Russia and semi-structured interviews with the officials of the southern regions of the Far East. The author concludes that pragmatic attitude toward Chinese investor is dominant. The officials do not expect massive inflow of Chinese investment. Another approach to view a Chinese investor is a reduced one, when Chinese businessmen are identified with the Chinese state and treated as strategic thinkers.

Keywords: public opinion, China, investment, ideology, Russian Far East.

Иванов Сергей Александрович
кандидат исторических наук,
заведующий, отдел китайских
исследований, Центр азиатско-
тихоокеанских исследований
Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока
ДВО РАН
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89
тел.: 8(423)2220507
e-mail: 02isa02@mail.ru

Ivanov Sergey Alexandrovich
Candidate of Sciences (History)
Institute of History, Archaeology
and Ethnography of the Peoples of the Far
East FE RAS
89, Pushkinskaya st., Vladivostok, 690001
tel.: 8(423)2220507
e-mail: 02isa02@mail.ru